

Независимая газета, - 1998 -

- 30 июля - с. 9

Фомичев Сергей Александрович — пушкинист, профессор, доктор филологических наук, ученый секретарь Пушкинской комиссии РАН, член Пушкинской государственной юбилейной комиссии. Родился в 1937 г. в г. Горьком. Закончил Глазовский педагогический институт. С 1969 г., после окончания аспирантуры, остался в Пушкинском доме. Докторскую диссертацию «Поэзия Пушкина. Творческая эволюция» защитил в 1986 г. в ИМЛИ.

МУЗЫКА НИЦШЕ, СЛОВА ПУШКИНА

Ученый секретарь Пушкинской комиссии РАН Сергей Фомичев о подготовке к празднованию 200-летия «нашего всего»

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, расскажите, пожалуйста, как идет подготовка к празднованию 200-летия Пушкина?

— Готовиться начали давно — в 1992 году появился первый указ президента, потом появился второй указ, сейчас вышел еще третий. Создана новая Государственная Пушкинская юбилейная комиссия, которую, по указу, возглавляет Черномырдин (смеется).

— Чему же удивляться, когда Ельцин пишет послесловие к полному собранию, — даже закономерно...

— Пушкин — настолько знаковое имя, что к нему все льнут. Это вполне понятно. Но я расскажу историю всех этих указов. В 1992 году ко мне в Пушкинский дом пришел Владимир Ренцлер — известный актер, писатель, поэт — и сказал: вот грядет юбилей, надо заранее к нему готовиться, я тут с Басилашвили, с Владимировым поговорил, мы составили письмо — вот, подпиши и пойдешь к Лихачеву, пойдешь к Ельцину, мол, в 1999 году будет юбилей, и надо создавать Пушкинский театральный центр. Потому что есть двадцать музеев Пушкина (с филиалами), а театр Пушкина не существует. Если встречать юбилей не по-русски — торжественное заседание, выпивка и все такое, — а что-то сделать существенное, то предварительную работу в театрах нужно проводить уже сейчас.

— Можно легко представить Шекспировский, Чеховский театральный центр, но Пушкинский — это не кажется вам очередной юбилейной натяжкой? Не так много Пушкин написал пьес...

— Тут вы не правы. Можно говорить о драматургии Сухово-Кобылина? Три пьесы. У Пушкина «Борис Годунов» и Маленькие трагедии — это немало для театра, но мы уходим в рецептерскую тему, это особый вопрос... Кроме того, должны быть подготовлены академические издания. Ведь издание 1937 года так гнали к дате, что оно вышло без комментариев, по сути, слепое издание. Оно подготовлено великолепными пушкинистами, но они не объяснили, почему дают тексты так, а не иначе... Ну так вот, составили письмо, подписали, отослали Ельцину, и он издал указ. Тогда инициатива была в наших руках...

В руках пушкинистов...

— И Министерство культуры было поставлено перед фактом, что есть такое распоряжение правителя — что-то надо делать. Вместе с Министерством культуры мы решили создать большой юбилейный комитет: Лихачев во главе, Бродский, Свиридов... И был создан рабочий оргкомитет для детальной разработки программы; я был назначен его председателем. Работали серьезные, практические люди, они уже обозначили все свои нужды — оргкомитет делился на комиссии: театральную, педагогическую и так далее. Но потом министерство очухалось и все подмяло под себя. Все, что сейчас вышло из этого, — программа «Пушкин и современность», абсолютно общая, и непонятно, кто за нее отвечает. Это говорильня. Отгрохали музей в Москве, Лужков дал на него большие деньги, хотя у меня к экспозиции очень большие претензии, но не об этом речь. А самые ценные экспонаты, собранные в Питере со всего еще Советского Союза, лежат, основной экспозиции нет до сих пор. Это очень затратное мероприятие. Пушкинский дом готовит академическое издание.

— Не слишком ли много академических изданий? После того, что вышло в 1937 году, — издательство «Воскресение» с послесловием Ельцина, Пушкинский дом свое готовит, в Петрозаводске была идея выпустить в старой орфографии...

— Насчет старой орфографии — не знаю, может быть, это и полезно как опыт. Это не заменит великолепного 30-томника, выпущенного Пушкинским домом. Издания не должны быть однотипными.

— Но академическое развѣ не должно быть единственным, каноническим?

— Нет такого понятия в текстологии как канон. Академическое издание — это фундаментальное научное предприятие, сравнимое с синхротроном в физике. Цель науки — не истина сама по себе, но поиски истины. Я согласен, должно быть одно базовое академическое издание, его мы и готовим. То, что «Воскресение» сделало репринт, отвечает чьей-то потребности иметь именно то издание, 1937 года. Но оно не просто без комментариев, оно устарело по текстам, устарело по принципам подачи текста. Вот пример: «Я здесь, Инезилья, я здесь под окном, объята Севилья и мраком и сном...» и так далее: «Ты спишь ли, гитарой тебя разбуджу, проснется ли старый, мечом уложу». А меч-то откуда появился? Когда с гитарой и шпагой? Глинка выдумал — и так это вошло в «канон» пушкинского текста. У Пушкина более прозаично: «Ты спишь ли, гитарой тотчас разбуджу, проснется ли старый, тотчас уложу». «Тотчас» Глинке показалось прозаизмом, он решил, что «мечом» звучит лучше. И масса таких примеров.

— Но мы отвлеклись.

— Что такое Пушкин в школе? Тот раздрай, который сейчас идет в авторских программах, — все это хорошо, но ведь то, что осталось еще с тех времен, когда я учился, та же «Вольность», — просто не усваивается учениками. «Евгения Онегина» детям читать трудно. Или, скажем, зачем в школе изучать «Дубровского», неотделанный пушкинский роман, незаконченный, который он не собирался печатать? Там сюжетные линии не сведены. А тот адаптированный «Дубровский», которого «проходят» в школе, — не совсем пушкинский текст.

Нет в мире другого писателя, на тексты которого было бы написано так много музыки, до двадцати интерпретаций на одно стихотворение, и каких — Глинка, Даргомыжский, Мусоргский, Чайковский, Рахманинов! Вся русская опера — на пушкинских текстах, а уж ее мировое значение — на уровне итальянской оперы. Так издайте клавиры пушкинских опер, заинтересуйте слушателей пушкинскими текстами. Имя должно звучать. Мало кто знает, что один из романсов на стихи Пушкина написал... Фридрих Ницше. Хорошая музыка, между прочим.

— Это что же за романс?

— «Заклинание»: «О если правда, что в ночи...» Вот те самые ножницы между нашим восприятием Пушкина и мировым: оперу знают, Ницше знают, Пушкина — нет. Я боюсь, что для Европы он не то что в первую десятку, и в двадцатку не войдет.

— Похоже, задачу ввести Пушкина в мировой контекст вы видите как главную?

— Нет, но юбилей — это повод оживить внимание к человеку, и надо им пользоваться. Есть масса пушкинских музеев и центров в ближнем зарубежье. В Молдавии очень хороший музей, вокруг него вся жизнь русской диаспоры, в Одессе — то же самое. Оба министра культуры — образованные люди, я говорил с ними. В Молдавии нет музея Эминеску, говорит молдавский министр, у нас нет средств, мол, что там ваш Пушкин? Сами занимайтесь. Мы уважаем его, но у нас есть своя культура. Русская диаспора в Молдавии — 25 миллионов, и это мы обязаны сохранить для них Пушкина, иначе через два поколения они перестанут быть русскими.

— Что-нибудь конкретное уже намечено на самый день — 6 июня 1999 года?

— Будут пышные торжества. Самый день уже объявлен нерабочим. А на телевидении или повторы, или — уже Жириновский читает стихи в программе «Наш Пушкин» на РТР. Ни одна пушкинская программа, что я предлагал, не пошла — все спрашивают: а деньги у вас есть?

Беседовала Анна ВЕРБИЕВА